

УДК 16.4+316.7

ВОЗМОЖНА ЛИ НОВАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ?

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается проблема конструирования новых парадигм высокого уровня обобщения в современной социологии. Отмечается, что создание таких парадигм было актуальным научным направлением в последней трети XX – начале XXI в. Подчеркивается, что сегодня турбулентность и контингентность социальной ситуации тормозят процесс теоретизирования, а отсутствие полноценного диалога между социологами разных регионов ограничивает возможность широкого признания даже тех парадигм, которые все же выдвигаются. Делается вывод о том, что конструирование теорий и парадигм продолжается преимущественно в рамках отдельных сфер деятельности, где наличный эмпирический базис имеет значение для последующих обобщений. Цифровая трансформация общества, с одной стороны, способствует созданию новых междисциплинарных теорий среднего уровня, с другой стороны, усугубляет многие гуманитарные риски и угрозы, особенно актуальные для молодежи, вовлеченной в виртуальную реальность.

Ключевые слова: парадигма; современная социология; глобальный кризис; западные подходы; отечественные теории; цифровая трансформация общества; гуманитарные риски.

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Возможна ли новая парадигма в современной социологии? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;4:27–31.
EDN: XSYAOE

For citation:

Titarenko LG. Is a new paradigm possible in modern sociology? *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;4:27–31. Russian.
EDN: XSYAOE

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-5729-1430>

IS A NEW PARADIGM POSSIBLE IN MODERN SOCIOLOGY?

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article examines the problem of constructing new, highly generalisable paradigms in modern sociology. It notes that the creation of such paradigms was a pressing scientific endeavor in the last third of the 20th and early 21st centuries. It emphasises that today's turbulence and contingency of the social situation hinder theorising, and the lack of a full-fledged dialogue between sociologists across regions limits the widespread acceptance of even those paradigms that are being put forward. It concludes that the construction of theories and paradigms continues primarily within specific fields of activity, where the existing empirical basis is essential for subsequent generalisations. It is reported that the digital transformation of a society, on the one hand, contributes to the creation of new interdisciplinary mid-level theories, but on the other hand, exacerbates many humanitarian risks and threats, which are especially relevant for young people involved in virtual reality.

Keywords: paradigm; modern sociology; global crisis; Western approaches; domestic theories; digital transformation of a society; humanitarian risks.

Современный мир бесконечно сложен и многоаспектен. В последние годы глобальный мир находится на грани катастрофы, которая может положить конец человечеству и всякому теоретизированию. Кризисное состояние мира крайне остро осознается в политической науке [1] и экономике [2]. Вместе с тем и теоретики остальных социальных дисциплин опять констатируют «конец истории», «отказ от человеческого», определяя эти феномены как доказательства «новой фазы экзистенциального кризиса» [3, с. 34]. Однако анализ кризисов и поиск рационального объяснения сложившейся ситуации в рамках разных дисциплин не принесли особых результатов. По этой причине в ближайшем будущем в социологии не ожидается создания макропарадигм, которые гарантировали бы миру безопасное будущее. Проблема такого будущего вообще не обсуждается ни русскоязычными, ни иноязычными социологами. Великие теоретики социологии, такие как Э. Гидденс и Ю. Хабермас¹, предпочитают молчать об этом. Даже те теоретические работы, которые вышли из-под их пера в последние 20–25 лет, уже не претендовали на метатеорию, которую они успешно развивали в 1980-х гг. Э. Гидденс увлекся конкретными темами [4]. Ю. Хабермас активно занялся проблемами морали и гражданской сферы [5; 6]. Молодые теоретики нацелены на создание специальных социологических теорий, которые являются более востребованными и, в отличие от метатеорий, не вызывают суровой критики по поводу базовых теоретико-методологических проблем их конструирования. Даже те, кто 20–30 лет назад еще пытался провести ревизию известных макро-

парадигм, больше этим не занимаются. Достаточно привести пример «обновления» марксизма, которое пытались осуществить два известных американских неомарксиста М. Буравой и Э. О. Райт [7]. По сути, они создали некую карикатуру на марксизм XIX в., подменив реальный марксизм пошлыми интерпретациями, распространенными в XX в. на Западе, которые в чем-то искажают аутентичные идеи К. Маркса, а в чем-то упрощают их².

Еще один американский социолог Дж. Александер, прославившийся 40 лет назад своим культуральным поворотом, а именно тезисом о том, что культура является доминантой любого типа развития (включая материальное), и создавший вместе с Ф. Смитом так называемую сильную программу социологии для обоснования данного тезиса [8], уже давно не пишет на эту тему. Польский социолог П. Штомпка в 1990-х гг. создал новую теорию трансформации общества, которая могла претендовать на роль общесоциологической парадигмы [9]. Однако потом он предпочел заняться специальной тематикой [10]. Лишь однажды П. Штомпка встал на защиту структурно-функциональной парадигмы, резко раскритиковав противоположный парадигмальный подход³ [11].

Что сегодня мы имеем в качестве парадигм? В первую очередь к ним относится постмодерн с его полной неопределенностью во всем, включая человека и общество (его лучшие образцы, созданные З. Бауманом [12] и Ж. Бодрийяром [13], все еще популярны, но они не притягивают к себе молодые умы, так как это скорее примеры теоретизирования об обществе, находящемся в глубоком кризисе). В чис-

¹Ю. Хабермас на момент публикации номера мертв.

²Оба американских автора на момент публикации номера мертвы, но неомарксистское теоретизирование было закончено ими около 10 лет назад.

³Хотя Т. Парсонса вполне заслуженно упрекают в идеологической ангажированности (он считал, что западный модерн будет долговечен, как и господство США), тем не менее его базовые теоретические идеи об обществе имеют право на существование и сегодня, будучи не менее востребованными, чем этнометодология или феноменология.

ло современных социологических парадигм также входят развивающиеся новые теории конфликта и создаваемые парадигмы цифровизации общества как симбиоз социума и виртуальной реальности [14].

В эпоху цифровой трансформации некоторые авторы считают новацией включать новые направления в исследование известных социальных процессов и явлений, изучая их по цифровым следам. Например, российские авторы объявили о создании такого нового направления теоретических исследований (читай: специальных теорий), как экологическая культуромика [15]. Исследователи делают ставку на актуальность цифровых исследований и новые методы исследования, не сильно заботясь о том, позволяют ли эти методы получить целостное представление об обществе или ограничивают получаемые результаты лишь доступной информацией из источников, которые не являются полными и достоверными (информационные методы не обеспечивают удовлетворения этих критериев). Попытки представить цифровые разработки в качестве новых теорий и даже цифровых парадигм развития общества будут продолжаться, поскольку процесс цифровизации не имеет конца. Однако социологам необходимо очень ответственно подходить к определению возможностей и ограничений подобных методов, так как социология в любом случае не может превратиться в науку, построенную на статистико-математических подходах. Нужны новые подходы, адекватные сложности такого объекта исследования, как общество.

Имеются попытки применить междисциплинарный подход к созданию новых обобщающих образов социологических парадигм с учетом цифровой трансформации и развития информационного общества. В рамках этих парадигм предлагаются проекты синтеза или конвергенции человека и искусственного интеллекта, причем с сохранением и учетом культурно-исторического контекста страны. В качестве примера можно привести российские разработки социотехнической конвергенции человека и искусственного интеллекта (коэволюции человека и техники) как ответ на глобальный вызов российскому обществу [16]. В данном проекте и подобных ему работах человек рассматривается как *homo digital* в традиционном технократическом фрейме детерминации социального развития научно-технологическими факторами. Авторы выдвигают идею (парадигму) о социотехнической конвергенции человека и искусственного интеллекта, подобно тому как десятилетием ранее Б. Латур выдвигал идею о синтетическом рассмотрении человека и нечеловеческих объектов [17].

Большое количество теорий цифровой революции и построения цифровой цивилизации претендовали на роль парадигмы XXI в. либо как минимум

на роль специальной социологической теории⁴ [18], однако они не затрагивали многих базовых вопросов развития социума, поэтому не были поддержаны. Популярны теории мультимодернов, каждый из которых представляет собой парадигму для своей цивилизации [19], хотя параллельно идут дискуссии о том, можно ли в социологии допускать существование самой идеи мультипарадигмальности (казалось, она уже давно стала общепринятой, однако в рамках новых дискуссий это не признается, а социология уподобляется естественным дисциплинам).

Вернемся к тезису о кризисе современного общества, «раздираемого» глобальными противоречиями. В условиях кризиса не может быть парадигмы, которая гармонично бы решила проблемы настоящего и будущего. Вероятно, глобальное общество уже никогда не сможет стать достаточно стабильным и гарантировать населению мира или хотя бы населению ключевых стран безопасность. Мир перешел черту бифуркации и оказался в состоянии постоянного хаоса. Этот тезис неоднократно был подтвержден экспертами из разных сфер, в том числе в связи с возникновением многочисленных военных конфликтов и резким ухудшением экологического состояния планеты (изменением климата и истощением природных богатств). В сложившейся ситуации представляется рациональным признать новую реальность окончательно нестабильной (текучей) и непредсказуемой, а также средствами социологии и других социальных наук попытаться сконструировать новые теоретические подходы, которые позволят поддерживать хотя бы минимальный контроль над этим хаосом и управлять им.

От того, как скоро социологи-теоретики смогут создать такие подходы, зависит и восприятие населением нового глобального мира. Люди должны осознавать, что живут в мире постоянных рисков и угроз, и брать на себя часть ответственности за их урегулирование и сдерживание в ситуации, когда стрелки символических часов Судного дня еще не достигли критической отметки. С точки зрения новой реальности самыми большими оптимистами, вероятно, являются молодые люди, особенно студенты. Они погружены в ту новую виртуальную реальность, которая открылась им благодаря информационным технологиям и искусственному интеллекту. Судя по многочисленным социологическим опросам, эти технические инструменты студенты оценивают весьма высоко: молодые люди видят прежде всего позитивные возможности цифровых технологий [20; 21] и либо не думают о гуманитарных угрозах, связанных с бесконтрольной цифровизацией и чрезмерным увлечением техническими инновациями, либо минимизируют их в своем сознании. Такова специфика сознания и самого процесса познания у молодого поколения: принимать

⁴Кравченко С. А. Социология цифровизации : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2021. 236 с.

во внимание то, что им понятно, и оставлять за бортом слишком сложные вопросы [22].

Один из основных рисков, связанных с чрезмерным потреблением цифровой информации и погружением в виртуальную реальность, заключается в том, что эта реальность замещает собой существующие социальные связи и отношения, меняет доминанту молодежного сознания. Учитывая, что как в Беларуси, так и в России практически все студенты регулярно пользуются интернетом и что многие из них имеют аккаунты в социальных сетях, становится понятен масштаб информационного влияния интернета на их сознание. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенного в 2023 г., 100 % студентов ежедневно «погружены» в интернет, а 85 % студентов имеют аккаунты в различных социальных сетях, включая запрещенные социальные сети⁵. Вследствие постоянного чтения зарубежных каналов более половины студентов верят, что дружба со странами Запада вскоре будет восстановлена, а две трети опрошенных даже высказали мысль о том, что отношения между странами Европейского союза и Союзного государства Беларуси и России будут равноправными и партнерскими. Эти молодые люди явно не знакомы с политическими подходами стран Запада, выраженными в произведениях американского политолога из престижного Гарвардского университета С. Хантингтона о постоянном и неизбежном конфликте цивилизаций, который предопределен исторически. Как утверждал С. Хантингтон, у стран Запада и бывшего советского сообщества разные базовые ценности, которые никогда не смогут быть преодолены, а следовательно, о равенстве говорить невозможно [23]. Этот тезис о вечном противостоянии лежал в основе созданной им геополитической парадигмы столкновения цивилизаций. Теоретическим базисом данной парадигмы стали идеи классика социологии М. Вебера о том, что именно протестантские ценности обеспечили странам Запада социально-экономические преимущества, выдвинув их в лидеры цивилизации. Что касается иных религий, и особенно православия, они неспособны обеспечить своим приверженцам таких же условий существования, как у приверженцев протестанства на Западе. Согласно С. Хантингтону страны могут образовывать цивилизацию только тогда, когда они имеют общие интересы и ценности, а также единый свод правил [23, с. 72]. Иначе говоря, у стран одной цивилизации должна быть общая культура.

Если использовать критерий цивилизации, выдвинутый американским политологом, для анализа того, насколько современное молодое постсоветское

поколение ему соответствует, станет очевидным, что оно имеет некоторые ценности, характерные для западной цивилизации (постиндустриального общества), такие как гедонизм, индивидуализм, потребительство, самовыражение. Можно предположить, что социальные сети служат каналом распространения подобных ценностей в молодежной среде, местом их обсуждения. Однако сами социальные сети вряд ли могут породить эти ценности, ведь, как утверждал еще канадский социолог и культуролог М. Маклюэн, любые технологии остаются нейтральным или безразличным по отношению к человеческим интересам средством передачи информации [24].

Амбивалентность цифровых технологий проявляется в том, что они могут транслировать любые ценности. Распространение этих технологий, их бесконтрольное использование создают гуманитарную угрозу и риск того, что продвинутая молодежь станет космополитичной и полностью отвернется от ценностей труда (в их традиционном понимании) и семейных ценностей. Молодых людей привлекает прежде всего комфортная жизнь для себя, которую они и считают самореализацией. Иные парадигмы жизни им не интересны.

В двойственной природе цифровых технологий и их опасности для формирующегося сознания молодежи глубоко разобрались белорусские социологи. Как пишут Е. М. Бабосов и Ю. Л. Баньковская, в результате цифрового манипулирования не только искажается сознание молодежи, но и происходит подталкивание молодых людей к социальным действиям противоправного характера [25]. Такие виртуальные цифровые влияния, легко осуществляемые в эпоху цифровой трансформации общества, способны разрушать социально-гуманитарные ценности населения, особенно молодежи. Чрезмерная онлайн-коммуникация может способствовать исчезновению интереса пользователей социальных сетей и других цифровых технологий к чему-либо, кроме удовлетворения своих потребностей и интересов. В этом проявляется мировоззренческий риск, связанный с цифровыми технологиями. Данный риск, как уже подчеркивалось, не создается интернетом, однако интернет предоставляет технические средства для распространения индивидуалистического мировоззрения, в рамках которого нет места для философских размышлений о смысле жизни человека или моральных основах общества. У человека, интересующегося только повседневной жизнью, вряд ли возникнет интерес к вопросам, в каком направлении развивается социум, что движет этим развитием и каково будущее человечества. Следовательно, ему не интересны социологические парадигмы.

⁵ Душ отрезвления: как молодежь адаптируется к ухудшению отношений России и Запада? // Аналитический центр ВЦИОМ : сайт. URL: <https://wciom.ru/expertise/dush-otrezvleniya-kak-molodezh-adaptiruetsja-k-ukhudsheniju-otnoshenii-rossii-i-zapada> (дата обращения: 29.08.2024).

Библиографические ссылки

1. Farrel H, Newman AL. *Of privacy and power: the transatlantic struggle over freedom and security*. Princeton: Princeton University Press; 2019. 248 p.
2. Varoufakis Y. *Technofeudalism: what killed capitalism*. New York: Melville House; 2024. 304 p.
3. Иванов ДИ, Варава ВВ. Триумф нечеловеческого, или Taedium vitae «конца истории». *Вопросы философии*. 2025;1:34–50. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-1-34-50.
4. Гидденс Э. *Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. Ангурин В, переводчик. Санкт-Петербург: Питер; 2004. 208 с.
5. Хабермас Ю. *Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика*. Атнашев Т, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2023. 104 с.
6. Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Шачина СВ, переводчик; Складнев ДВ, редактор. Москва: Наука; 2000. 380 с.
7. Буравой М, Райт ЭО. Социологический марксизм. *Социология*. 2011;2:43–57. EDN: UGQMWN.
8. Alexander J, Smith Ph. The strong program in cultural sociology. In: Alexander J. *The meanings of social life. A cultural sociology*. Oxford: Oxford University Press; 2003. p. 11–23. DOI: 10.4324/9781315267784-2.
9. Штомпка П. *Социология социальных изменений*. Дмитриев АС, переводчик; Ядов ВА, редактор. Москва: Аспект Пресс; 1996. 416 с. (Высшее образование).
10. Штомпка П. *Визуальная социология*. Морозова НВ, переводчик. Москва: Логос; 2007. 168 с.
11. Sztompka P. Another sociological utopia. *Contemporary Sociology*. 2011;40(4):388–396. DOI: 10.1177/0094306111412512.
12. Бауман З. *Текущая современность*. Асочаков ЮВ, редактор. Москва: Питер; 2008. 240 с.
13. Бодрийяр Ж. *Америка*. Калугин Д, переводчик. Москва: Владимир Даль; 2000. 204 с.
14. Иванов ДВ. *Виртуализация общества*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение; 2000. 96 с.
15. Щекотин ЕВ, Дунаева ДО, Басина ПА, Вахрамеев ПС. Экологический дискурс в социальных медиа: опыт тематического анализа. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024;6:226–250. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2483.
16. Зотов ВВ, Консон ГР, Володенков СВ, Губанов АВ. Образ цифрового будущего: формирование в медиапространстве и репрезентация в общественном сознании. *Наука телевидения*. 2023;19(4):63–115. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.4-63-115.
17. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2014. 384 с. (Социальная теория).
18. Чернавин ЮА. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы. *Цифровая социология*. 2021;4(2):4–12. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12.
19. Eisenstadt SN. Multiple modernities. *Daedalus*. 2000;129(1):1–29.
20. Белякова ЕГ, Быков СА, Землянова МП, Муравьева НГ. Восприятие студентами возможностей цифровых технологий в вузовском обучении. *Вестник Томского государственного университета*. 2022;479:199–212. DOI: 10.17223/15617793/479/21.
21. Сысоев ПВ. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности. *Высшее образование в России*. 2023;32(10):9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33.
22. Титаренко ЛГ. Цифровизация обучения: восприятие студентами дистанционного обучения и рисков. *Вопросы философии*. 2023;1:115–124. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-1-115-124.
23. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ; 2003. 640 с.
24. McLuhan M. *Understanding media: the extensions of man*. London: New American Library; 1964. 396 p.
25. Бабосов ЕМ, Баньковская ЮЛ. Онтологические основания философско-социологического осмысления информационной войны. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;2:29–34. EDN: TUHGNA.

Статья поступила в редакцию 04.12.2025.
Received by editorial board 04.12.2025.